

Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. VIII, 425 с.
Семенов С. А. Карта «Городства» Зорiana Доленга-Ходаковского. Что опубликовал М. П. Погодин? // Археологические вести. 2025. № 47. С. 245–256. DOI 10.31600/1817-6976-2025-47-245-256

References

Lapshin, V. A. Arkheologicheskaya karta Leningradskoi oblasti. Saint Petersburg, 1995. Part 2. 232 p. (In Russ.)
Pogodin, M. P. Drevnyaya russkaya istoriya do mongol'skogo iga. Moscow, 1871. Vol. 3. [4], 72 p., 158 l. of il., maps. (In Russ.)
Pyпин, A. N. Istoriya russkoi etnografii. Saint Petersburg, 1891. Vol. 3. VIII, 425 p. (In Russ.)
Semenov, S. A. Karta "Gorodstva" Zoriana Dolenga-Khodakovskogo. Chto opublikoval M. P. Pogodin? In *Arkheologicheskie vesti*. 2025. No. 47. Pp. 245–256. DOI 10.31600/1817-6976-2025-47-245-256 (In Russ.)

Sergey A. Semenov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Nikolay A. Krenke

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Sergey Z. Chernov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

MAP OF SETTLEMENTS AND TOPONYMS OF 1822 BY ZORIAN DOLENGA-KHODAKOVSKY – THE FIRST COLLECTION OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF RUSSIA AND BELARUS

This article focuses on the "Slavic Hillforts" map compiled by Zorian Dolenga-Khodakovsky in 1822 and stored in the M. P. Pogodin Collection of the Manuscripts and Rare Books Department of the National Library of Russia in St. Petersburg (list 2, inv. number 2019). The map was discovered by S. A. Semenov in 2014. It is based on the Detailed Map of the Russian Empire of 1804 (102 sheets). The map uses symbols to indicate fortified settlements. The authors analyzed the images of fortified settlements in two areas: the outskirts of Novgorod and the territory northeast of Moscow. A comparison of the map images with Z. Dolenga-Khodakovsky's texts and modern archaeological data revealed that he identified settlements and wastelands, called "fortified settlements," based on General Land Survey Plans and surveyed these areas: he interviewed old-timers and examined the "fortified settlements" for the presence of artificial earthworks. Many of "fortified settlements" were rediscovered by archaeologists in the 19th and 20th centuries, while others correspond to areas not previously explored by archaeologists.

Keywords: Z. Dolenga-Khodakovsky, history of archaeology, Old Russian fortified settlements, early Iron Age settlements, mapping of archaeological sites

УДК 930.2+94(47) DOI 10.25986/IRI.2025.102.4.029

А. В. Сиренов

СПбИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. sirenov@rambler.ru

СУЗДАЛЬСКИЕ ЖИТИЯ XVI в. И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Статья посвящена житиям суздальских святых XVI в.: Евфимия Суздальского, Иоанна епископа Суздальского, и Евфросинии Суздальской. Автор предполагает, что в них отразилась историческая память о ранней истории Суздаля. В частности, в Житии епископа Иоанна и особенно Евфросинии Суздальской зафиксированы представления о тесной связи Суздаля с сельской округой.

Ключевые слова: историческая память, жития русских святых, история русской культуры XVI в., Суздаль

Наиболее ранними памятниками письменности, которые созданы в Суздале, являются жития суздальских святых [Колобанов]. Они посвящены первому настоятелю самого крупного в Суздале Спасского монастыря архимандриту Евфимию, монахине женского Ризоположенского монастыря Евфросинии и суздальскому епископу Иоанну¹. Герои суздальских житий жили в разное время: Евфросиния была современницей татаро-монгольского нашествия 1238 г., а деятельность епископа Иоанна и архимандрита Евфимия относится к XIV в.

В историчности Евфимия Суздальского сомнений нет: еще в Троицкой летописи первой половины XV в. читалось известие о его кончине в 1405 г. [Троицкая летопись, с. 458; Клосс, с. 366]. Евфимий Суздальский предстает типичным церковным деятелем эпохи Сергия Радонежского. По благословению настоятеля нижегородского Печерского монастыря Дионисия он прибывает в Суздаль из Ниж-

¹ Еще одним суздальским святым, прославленным в XVI в., следует считать суздальского епископа Феодора, покров на раку которого в 1581 г. вложила в суздальский Рождественский монастырь старица Евпраксия, вдова Владимира Андреевича Старицкого. Однако его краткое Житие, известное в списках XIX в. (ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцев). № 164. Л. 1–4 об.; ОПИ ГИМ. Собрание А. С. Уварова. Оп. 2. № 387. Л. 54–55), очевидно, было составлено не в XVI в., а в более позднее время.

него Новгорода, чтобы встать во главе только что основанного Спасо-Преображенского монастыря. Подвиг Евфимия всецело относится к организаторской деятельности: он собирает монахов, выстраивает отношения с местной церковной и светской властью, занимается обустройством монастыря. После кончины он был удостоен погребения за алтарной частью монастырского собора, что способствовало постепенному складыванию его местного церковного почитания. В начале XVI в. при строительстве монастырского собора были обретены мощи Евфимия, которые позднее поместили в особом приделе [Баталов, с. 50]. Таким образом, они оказались внутри соборного пространства. Далее стали совершаться чудеса исцеления от различных болезней. Словом, церковное почитание Евфимия Суздальского складывалось весьма типично для своего времени и полностью укладывается в парадигму почитания основателя монастыря. Вскоре после обретения мощей было написано Житие Евфимия, которое стало первым памятником суздальской агиографии [Клосс, с. 364]². Однако с точки зрения формирования исторической памяти оно содержит весьма мало материала. Имеет смысл обратить внимание только на два факта: основание монастыря суздальским князем Борисом Константиновичем и участие в этом суздальского епископа Иоанна.

Развитие Спасо-Евфимиева монастыря в XV–XVI вв., как представляется, связано с постепенной утратой в XV в. суздальскими князьями и их однородцами своей удельной самостоятельности. Как суздальские земли, так и владения соседнего Стародубского княжества переходили под власть московских князей. Бывшие удельные князья хотя на первых порах и сохраняли свои вотчины, но тенденция была очевидна: они теряли власть и влияние в бывших своих уделах. Можно думать, что вклад сел в суздальский Спасский монастырь позволял потомкам удельных князей Суздальских и Стародубских не утратить влияние в своих бывших княжествах посредством близких отношений с крупнейшим в регионе монастырем: это и поездки на богомолье, и постриг в монахи представителей рода, и организация родовых некрополей на территории монастыря с регулярным поминанием усопших, «кормами» братии и прочее³. Уже в начале XV в. от суздальских князей, потомков Бориса Константиновича, в Спасский монастырь в виде вкладов поступают села, расположенные на плодородной земле Ополя по правому берегу реки Нерли. В первой четверти XV в. суздальский князь Иван Борисович Тугой Лук вкладывает село Переборово [Сборник Муханова, с. 545, № 261]. После 1425 г. жена его старшего брата Даниила княгиня Мария вкладывает село Омутское [АИ, с. 57–58, № 29], а его сын Александр Иванович Брюхатый – село Троица-Берег [АСВР, с. 481, № 438]. В 1440-е гг. великий князь Василий Темный по поручению князя Семена Александровича, сына Александра Даниловича Взметения, вкладывает его село Мордыш [АИ, с. 71, № 38]. Ранее 1432 г. через посредство великого князя в собственности монастыря оказалось село Заполицы (обстоятельства этого вклада нам неизвестны; во второй четверти XV в. монастырь обменял его на село Коровники) [Сборник Муханова, с. 583–584, № 299]. Таким образом, уже в первой половине XV в. благодаря вкладам преимущественно суздальских князей в собственности Спасского монастыря оказалось целое ожерелье сел, расположенных в непосредственной близости от Суздаля на плодородных землях вниз по течению судоходной Нерли: Омутское, Троица-Берег, Переборово, Заполицы и Мордыш. К ним следует добавить и иные вклады суздальских и стародубских князей, а также других землевладельцев Суздальской земли [Кучкин, с. 215; Шполянский]. Так в течение XV–XVI вв. Спасо-Евфимиев монастырь стал крупным землевладельцем Суздальского уезда. Память о князе-основателе, без сомнения, жила в монастыре. Не случайно в суздальских синодиках (как в монастырском, так и в соборном) при имени князя Бориса Константиновича указано: «иже созда Спасов Еуфимьев монастырь» / «иже воздвиже Спасский Еуфимиев монастырь» [Стаховский, л. 8].

Второй по значимости суздальский монастырь, Покровский, был основан старшим братом князя Бориса Константиновича князем Андреем Константиновичем спустя несколько лет после Спасского монастыря. Об истории монастыря до XVI в. почти ничего не известно кроме рассказа о его основании, который читается в Пространной редакции Жития Евфимия Суздальского (ОР РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря). № 628. Л. 61 об.–65) и в Житии суздальского епископа Иоанна [Усачев 2008, с. 53–54]. Можно предположить, что Покровский монастырь был создан в параллель Спасскому

² Попытка создать Житие Евфимия Суздальского на основе жизнеописания Бенедикта Нурсийского, которая отразилась в Стишном Прологе начала XVI в., по всей видимости, не связана с Суздалем и не отражает исторических реалий или местных преданий [Турилов].

³ Землевание Спасо-Евфимиева монастыря по опубликованным источникам было обстоятельно рассмотрено И. М. Стаховским [Стаховский, л. 6–14]. См. также: [Из истории суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, с. 2–3].

и предназначался для пребывания и погребения женщин из суздальского княжеского дома. Существование подобных «парных» монастырей, мужского и женского, – не редкость в истории России эпохи позднего Средневековья⁴. Как правило, мужской монастырь обладал вотчинами, вел обширное хозяйство, а женский жил под защитой и покровительством мужского. Вероятно, такой была ситуация и в Суздале до начала XVI в. Положение вещей резко изменилось в правление Василия III: в 1510–1518 гг. был выстроен каменный собор, в монастыре приняла постриг сестра великого князя Александра (умершая в 1525 г.), а в 1526 г. в Покровский монастырь привезли постриженную в монашество жену великого князя Соломонию Сабурову. С этого времени Покровский монастырь стал весьма привилегированной обителью: там приняли постриг третья жена Ивана IV Анна Васильчикова, жена его двоюродного брата Владимира Старицкого Евпраксия, первая жена старшего сына царя Евдокия Сабурова (в монашестве Александра). Последняя царственная узница этой обители – супруга Петра I Евдокия Лопухина, чье пребывание в Суздале закончилось скандалом и политическими репрессиями, которые обычно называют Суздальским розыском 1718 г. [Рыженков]. В целом, Покровский монастырь превосходил Спасо-Евфимиев и объемом хозяйства, и богатством, и влиянием в обществе.

Широкою известность Покровский монастырь приобрел после заточения в его стенах Соломонии Сабуровой. Однако возвышение монастыря началось до этого события. Следует учитывать факт кончины там в 1525 г. сестры великого князя Василия III Александры в статусе монахини Покровского монастыря. Не менее важным является строительство во втором десятилетии XVI в. каменных собора, колокольни и святых ворот, которые составляют выдающийся архитектурный ансамбль своей эпохи. Следует учитывать, что к тому моменту в Суздале почти единственной постройкой из камня был древний Рождественский собор, построенный перед татаро-монгольским нашествием (в это время возводили также каменный собор Спасо-Евфимиева монастыря). Как выяснил В. Д. Назаров, первым великокняжеским духовником из числа протопопов Благовещенского собора был Василий Кузьмич, происходивший из Суздаля и сохранивший в Москве свои суздальские связи. В 1510 г. великий князь, совершая с женой поездку на богомолье по святым местам, посетил и Суздаль. В. Д. Назаров резонно предполагает, что во время этой поездки поставленный накануне суздальский епископ Симеон (Стремоухов) представил великому князю протопопа суздальского Рождественского собора Василия, который вскоре и стал царским духовником [Назаров, с. 12–33]. В таком случае вполне объяснимы начавшееся после этой поездки финансирование Покровского монастыря и особенное внимание в нему великокняжеского окружения [Флоря, с. 163–164]. Отметим, что к исторической памяти эти события не имеют никакого отношения. Перед нами скорее реализация успешного социального проекта, для которого исторические воспоминания совершенно не нужны. Этим обстоятельством, по-видимому, и следует объяснять отсутствие в Покровском монастыре XVI в. каких-либо коммеморативных практик (церковное почитание Соломонии Сабуровой относится уже к XVII в.).

Основной корпус житий суздальских святых связан с литературной деятельностью одного агиографа, монаха Спасо-Евфимиева монастыря Григория. Его перу принадлежат Жития суздальского епископа Иоанна и преподобной Евфросинии Суздальской. Кроме этого, вероятно, он является автором Пространной редакции Жития Евфимия Суздальского, поскольку в одном из списков имеется указание на авторство Григория. К сожалению, о самом Григории почти ничего не известно. Все его произведения дошли до нас в поздних списках (конца XVI – XVIII в.). До настоящего времени мы не знаем ни одного прижизненного его списка, не говоря уже об автографах. О времени жизни Григория имеется только одно косвенное указание. Суздальский епископ Варлаам в написанном им послесловии к Житию Евфросинии Суздальской сообщал, что по своем приезде в Суздаль (это было в 1570 г.) уже не застал Григория в живых [Житие Евфросинии, с. 60–61]. Указания в тексте чудес Евфимия и Евфросинии, где автор от первого лица пишет, что был их свидетелем, все же не следует воспринимать буквально, поскольку изначально чудеса от мощей святых, как правило, фиксировались на месте и лишь затем попадали в агиографические произведения, причем зачастую не одновременно. Так, в Пространной редакции Жития Евфимия рассказывается о чуде с князем Василием Кривоборским, которое произошло при архимандрите Иове, возглавлявшем Спасо-Евфимиев монастырь в 1572–1576 гг. По свидетельству же

⁴ Из ранних примеров можно указать на функционирование во Владимире в XIII в. мужского Рождественского и женского Успенского Княгинина монастырей как княжеских некрополей.

епископа Варлаама, в это время Григория уже не было в живых. Очевидно, чудо о Василии Кривоборском поместил в текст Жития Евфимия Суздальского не Григорий, а его анонимный продолжатель. Поэтому будем исходить из того факта, что к 1570 г. Григорий уже умер. Определить самую раннюю хронологическую границу его творчества также затруднительно. Можно только утверждать, что в момент создания Краткой редакции Жития Евфимия Суздальского, около 1511 г., Григорий еще не участвовал в литературно-агиографическом процессе, поскольку эта первоначальная редакция Жития Евфимия резко отличается от сочинений Григория.

Итак, если судить по указаниям в заглавиях житий, перу Григория принадлежат Пространная редакция Жития Евфимия Суздальского, Житие епископа Иоанна и Житие Евфросинии Суздальской. Относительно последнего произведения правомерно высказать сомнения в авторстве Григория. Дело в том, что Житие Евфросинии было утрачено, а затем обнаружено в Троицком Махрищском монастыре в результате поисков епископа Варлаама, который вознамерился организовать канонизацию Евфросинии Суздальской. До своего епископства Варлаам долгое время был игуменом этого монастыря и организовал церковное прославление его основателя Стефана Махрищского, материалы для составления Жития которого Варлаам также обнаружил в Махрищском монастыре. Вообще, изложенная епископом Варлаамом история обретения Жития Евфросинии Суздальской выглядит неправдоподобно. Само Житие написано Григорием в XVI в., причем не в начале этого столетия. Очевидно, что его писали в видах канонизации преподобной Евфросинии. И когда, наконец, этот план стало возможным реализовать, то оказалось, что не так давно составленное Житие утеряно. К тому же его случайно обнаружил главный инициатор канонизации Евфросинии епископ Варлаам, причем там же, где он за несколько лет до этого якобы нашел материалы для Жития Стефана Махрищского, – в Махрищском монастыре.

Чтобы доказать или опровергнуть авторство Григория, следует сопоставить Житие Евфросинии Суздальской с другими его произведениями. Здесь необходимо привлечь еще одно сочинение Григория, не относящееся к суздальской агиографии, но близкое к Житию Евфросинии, – Житие Космы Яхромского [Усачев 2011а]⁵. Текстуальная близость этих житий вполне объяснима, поскольку Житие Космы Яхромского не имеет отношения к суздальской агиографии, несмотря на географически близкое расположение Яхромского монастыря от Суздаля. Административно Яхромский монастырь в XVI в. относился к митрополичьей области, как и близлежащие города Владимир и Юрьев-Польский. В Житии Космы автор прославляет город Владимир как место подвига святого, из чего можно сделать вывод, что в XVI в. Косму Яхромского считали владимирским святым. Именно это обстоятельство позволило, на наш взгляд, допустить текстовые и сюжетные повторы в Житиях Космы Яхромского и Евфросинии Суздальской – их не планировали помещать в непосредственной близости одно от другого.

В обоих житиях использован довольно редкий греческий богословский термин «Параклит». В Житии Евфросинии Суздальской: «Благословен Параклит, от Отца исходяй и на Сыне почиваяй» (цит. по: [Клосс, с. 377]) и далее: «Параклитом осеняема будеши...» [Клосс, с. 382]. В Житии Космы Яхромского: «Параклит бо идеже хочет дышет» [Усачев 2011а, с. 94]. Далее, в Житии Космы описывается, что святой слышит некие пророчества: «И паки глас глагола ему: “Иди вслед мене, амо же аз иду”» [Усачев 2011а, с. 96]. Согласно Житию Евфросинии, святая видит «мужа в белых ризах, глаголюща ей: “Иди вослед мене, амо же аз иду”» [Клосс, с. 382]. После этого оба святых, следуя указаниям пророческого гласа, оказываются в Киево-Печерском монастыре. Совпадают в обоих случаях и формулировки, с которыми обращаются к святым настоятели монастырей. Косме архимандрит Киево-Печерского монастыря говорит: «Чадо! Жестоко суть житие иноческое, обаче Бог Владыка Христос сохранит тя от пронырства лукаваго» [Усачев 2011а, с. 97]. К Евфросинии с такими же словами обращается игуменья суздальского Ризоположенского монастыря: «Чадо, жестока суть жития мнишеская...»; далее Евфросиния говорит о своей душе: «...да спасет ю Бог, владыка Христос, от проныры» [Клосс, с. 383]. Ниже агиограф пишет: «Господь же укрепи Еуфросину и дасть ей победу на пронырливаго...» [Клосс, с. 385].

⁵ А. С. Усачев наглядно показал, что основным литературным источником Жития Космы Яхромского является «Слово похвальное» Варлааму Хутыньскому Пахомия Логофета [Усачев 2011б, с. 32–35]. В данном случае мы не рассматриваем заимствования из этого и других литературных источников.

Таким образом, следует отменить сомнения в авторстве Григория относительно Жития Евфросинии Суздальской и признать, что Григорий создал два наиболее важных с точки зрения исторической памяти суздальских памятника агиографии: Жития епископа Иоанна Суздальского и Евфросинии Суздальской.

В Житии епископа Иоанна довольно явственно прочитывается его агиографический образец, каковым является Житие новгородского епископа Иоанна, написанное в XV в. В обоих случаях герой Жития, епископ, был оклеветан перед жителями города – обвинен в блуде, изгнан ими, затем произошло чудо, горожане раскаялись, епископ вернулся в город. То место, откуда епископ повернул обратно в город, отмечено установлением креста (в Житии Иоанна Новгородского) или строительством храма (в Житии Иоанна Суздальского). Таким образом, Житие Иоанна Суздальского не сохранило каких-либо исторических подробностей⁶. Однако заимствованный из Жития Иоанна Новгородского сюжет – уход епископа из города, произошедшее чудо, раскаяние жителей и возвращение епископа – в Житии Иоанна Суздальского соотнесен с суздальской топонимикой, а именно конечной точкой исхода епископа Иоанна названо село Иванское (Ивановское), расположенное в предместье Суздаля и принадлежавшее Суздальскому архиерейскому дому. Таким образом, географический ареал Жития охватывает не только Суздаль, действие Жития выходит за пределы города.

Житие Евфросинии Суздальской построено по образцу Жития Евфросинии Александрийской. Не случайно день памяти Евфросинии Суздальской совпадает с днем памяти Евфросинии Александрийской – 25 сентября [Клосс, Маштафаров, с. 517; Конявская, с. 99]. На этот же день приходится память мученицы Феодулии – так, согласно Житию, звали Евфросинию в миру [Стаховский, л. 195]. Феодулия-Евфросиния, как и Евфросиния Александрийская, родилась в знатном семействе, отец хотел выдать дочь замуж, но та покинула дом и приняла постриг в монастыре. Отец же пытался убедить дочь вернуться, но в результате смирился с ее выбором. Еще один образец для создания Жития Евфросинии Суздальской – это Житие другой соименной святой Евфросинии Полоцкой, которая родилась в княжеской семье, отказалась выходить замуж, приняла постриг и основала женский монастырь. Самая ранняя месящесловная память Евфросинии Суздальской (под 25 сентября), которая читается в рукописном Уставе 40-х гг. XVI в. ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 336 (далее – Синод. 336), содержит информацию, что Евфросиния является основательницей суздальского Ризоположенского монастыря: «В той же день преподобныя матери наша Евфросинии, иже бывшей великой княжне Черниговской. Положена же бысть в граде Суздале в дивичье манастыре, иже бысть ею създан, исцеление же бывает от гроба ея и до сего дни приходящим с верою» (Синод. 336. Л. 106 об.)⁷. Согласно Житию, к моменту прибытия Евфросинии в Суздаль Ризоположенский монастырь уже существовал, и Евфросиния поступила туда монахиней. В Уставе 40-х гг. XVI в. указано, что Евфросиния была дочерью черниговского князя. Следовательно, эта черта не является вымыслом агиографа Григория, она сохранилась в исторической памяти. И. М. Стаховский выдвинул предположение, что Евфросиния была дочерью владимирского князя Михалка Юрьевича, которая после кончины своего супруга чернигово-северского князя Владимира Святославича в 1201 г. и своей матери, умершей и погребенной в Суздале в 1202 г., приняла постриг и основала суздальский Ризоположенский монастырь [Стаховский, л. 186–190]. Несмотря на отсутствие доказательств, безоговорочно отвергать это предположение не следует. Во всяком случае, именование святой Евфросинии черниговской княжной в XVI в. бытовало в исторической памяти и, вполне возможно, отражает какие-либо исторические реалии. Сюжет, связанный с несостоявшимся браком, в Житии Евфросинии Суздальской решен необычно. Женихом назван некий суздальский князь Мина, потомок тысяцкого Георгия Шимоновича, который известен по Киево-Печерскому патерику. Этот памятник на территории Русского государства получил распространение во второй половине XVI в., и именно сюжет с суздальским тысяцким Георгием Шимоновичем и его отцом варягом Шимоном привлек наибольшее внимание. Так, потомки московских тысяцких Вельяминовы на основе Киево-Печерского патерики объявили своим предком суздальского тысяцкого Георгия Шимоновича, полагая, видимо, что московские тысяцкие должны быть потомками тысяцких суздальских [Воронцов-Вельяминов]. Агиограф Григорий поступил схожим образом. Ему нужно было найти суздальского князя, чтобы объяснить

⁶ О заимствованиях в Житии епископа Иоанна из других житий см.: [Усачев 2008, с. 13–14].

⁷ Впервые опубликовано: [Клосс, с. 369–370].

появление в Суздале черниговской княжны, объявленной им дочерью Михаила Черниговского. В начале XIII в. в Суздале князей не было. В такой ситуации суздальским князем, женихом Евфросинии Суздальской, был назван потомок суздальского тысяцкого. Здесь встречаем случай домысла, обычный для агиографической литературы. Характерно другое: жених юной Феодулии назван Миной. Под Суздалем существует так называемое Минино урочище (или Минино селище) – памятник домонгольского времени. Таким образом, здесь опять налицо попытка расширить границы Суздаля, вынося действие за пределы города. Еще один сюжет Жития Евфросинии Суздальской связан с татаро-монгольским нашествием в феврале 1238 г. Агиограф указывает, что хан Батый, который в реальности не принимал участие в захвате Суздаля, разбил свой лагерь на горе за пределами города, на берегу реки Каменки. Можно предположить, что в Житиях Иоанна епископа Суздальского и Евфросинии Суздальской отразились бытовавшие в Суздале XVI в. представления о тесной связи города с сельской округой.

Это предположение получает подкрепление в «Историческом собрании о богоспасаемом граде Суждале» – сочинении суздальского историка середины XVIII в. Анания Федорова. Со ссылкой на своего информатора суздальского иконописца Илью Артемьевича Киприанова он прямо пишет, что средневековый Суздаль включал в свои границы и Минино селище, и другие пригородные поселения: «следуя от Минина селища прямо на восток к селам Якиманскому и обоим Городищам, таже склоняясь с юго-востоку на северо-восток по берегу реки Нерли к селам Абакумлеву, Новоселке, Кидекше, Красному и Троице-Берегу, даже до Липицкаго пустынного монастыря, о котором будет показано ниже, по учинению округлости может показаться, что все оное место имелось ко граду Суждалю населено жителями». Далее, комментируя расположение лагеря Батыя вне Суздаля, Анания локализует его на Яруновой улице и высказывает соображение о размерах домонгольского Суздаля: «По истории бо Жития преподобныя княжны Евфросинии Суждалския чудотворицы, сущей во обителя ея во граде Суждале письменной, показуется, яко злочестивый Батый, взяв мечем во свою область славный град Суждаль, прииде и ста на Ярунове улице, еже может разуметися, яко по взятии такого славнаго и великаго града ста на Ярунове улице, которая по тогдашнему величеству града от Минина селища могла почитаться середина града» [Историческое собрание, с. 96]⁸. Суздальский протоиерей Д. И. Смирнов в письме издателю журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньину от 10 сентября 1823 г., рассказывая о суздальских древностях, не обошел молчанием и предание о размерах средневекового Суздаля: «Ныне Суждаль стоит на малой реке Каменке, а по преданиям уверяют, что он простирался по большей части по реке Нерли, которая течет в расстоянии трех и четырех верст от Суждаля» (ОР РГБ. Ф. 203 (Архив ОИДР). Карт. 26. Ед. хр. 8. Л. 7). Таким образом, границы древнего Суздаля в воображении суздальских жителей XVIII–XIX вв. включали те пункты, которые фиксируют Жития XVI в. Едва ли эту особенность следует объяснять исключительно фантазией, поскольку пусть пунктирно, но она прослеживается еще в Житиях XVI в. Полагаем, что таким образом в исторической памяти оказался зафиксирован феномен Суздальского ополья – особой хозяйственно-культурной зоны русского Средневековья, для которой была характерна плотная сеть сельских поселений на пятачке плодородной земли между городами Владимиром, Суздалем и Переславлем-Зелеским [Археология Суздальской земли, с. 354–359].

Источники

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. 602 с.
 АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. 2. 727 с.
 Житие Евфросинии – Житие пр. Евфросинии Суздальской по списку XVII века // Георгиевский В. Суздальский Ризположенский женский монастырь: Историко-археологическое описание. Владимир, 1900. С. 9–70.
 Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале, о построении и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о прочем к тому потребном ради любопытных собранное из различных показаний въкратце // Временник ОИДР. М., 1855. Кн. 22. Материалы. С. I–II, 1–210.
 Сборник Муханова. 2-е изд., доп. СПб., 1866. 780 с.
 Троицкая летопись – Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. 513 с.
 Федоров Анания. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. Владимир, 2012. 304 с.

Литература

- Археология Суздальской земли: в 2 т. М.; Вологда, 2023. Т. 2. 424 с.
 Баталов А. Л. К вопросу о датировке собора Спасо-Евфимиева монастыря // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России: Материалы научно-практической конференции (15–16 октября 2002 г.). Владимир; Суздаль, 2003. С. 40–50.

⁸ Приводим ссылку на издание 1855 г., а не на издание 2012 г. [Федоров Анания], поскольку последнее воспроизводит текст издания 1855 г.

- Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысячских // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 124–140.
- Из истории суздальского Спасо-Евфимиева монастыря (по данным монастырского архива). Владимир, 1912. 32 с.
- Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. 488 с.
- Клосс Б. М., Маштафаров А. В. Евфросиния // ПЭ. М., 2008. Т. 17. С. 517–526.
- Колобанов В. А. Владимиро-суздальские литературные памятники XIV–XVI веков: Учебное пособие. М., 1982. 103 с.
- Конявская Е. А. Житие Евфросинии Суздальской: взгляд из XVI века // История и культура Суздальской земли. К 1000-летию первого упоминания города Суздаля. Владимир, 2025. С. 95–101.
- Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. М., 1984. 353 с.
- Назаров В. Д. Великокняжеский духовник в семейном портрете и в контексте кремлевского сообщества // Кремль в истории России: к 500-летию Александровского кремля: Материалы международной научно-практической конференции, 11–13 ноября 2013 г., г. Александров. Владимир, 2014. Т. 1. С. 8–37.
- Рыженков М. Р. Первая трагедия в «Доме Романовых»: дело царевича Алексея Петровича. 1718 г. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 151–169.
- Стаховский И. М. Очерки по истории Суздаля. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1943. Т. 2. 305 л.
- Турилов А. А. К ранней истории общерусского почитания преп. Ефимия Суздальского (неизвестное краткое житие в Прологе нач. XVI в. из библиотеки Папского Восточного ин-та в Риме) // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России (к 650-летию основания монастыря): Материалы научно-практической конференции. Владимир; Суздаль, 2003. С. 21–25.
- Усачев А. С. Житие святого Иоанна, епископа Суздальского // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 5–56.
- Усачев А. С. Житие Козьмы Яхренского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 89–106. [Усачев 2011а]
- Усачев А. С. Списки и источники Жития Козьмы Яхренского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 25–36. [Усачев 2011б]
- Флоря Б. Н. Ранняя история суздальского Покровского монастыря // Вестник церковной истории. 2022. № 1/2 (65/66). С. 163–172.
- Шполянский С. В. Села Суздальского ополья и изменения в системе расселения во второй половине XIV – XV вв. // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 148–161. DOI 10.24852/pa2021.2.36.148.163

References

- Arkheologiya Suzdal'skoi zemli: in 2 vol. Moscow; Vologda, 2023. Vol. 2. 424 p. (In Russ.)
- Batalov, A. L. K voprosu o datirovke sobora Spaso-Evfimieva monastyra. In *Suzdal'skii Spaso-Evfimiev monastyr' v istorii i kul'ture Rossii: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (15–16 oktyabrya 2002 g.)*. Vladimir; Suzdal, 2003. Pp. 40–50. (In Russ.)
- Florya, B. N. Rannaya istoriya suzdal'skogo Pokrovskogo monastyrya. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2022. No. 1/2 (65/66). Pp. 163–172. (In Russ.)
- Iz istorii suzdal'skogo Spaso-Evfimieva monastyrya (po dannym monastyr'skogo arkhiva). Vladimir, 1912. 32 p. (In Russ.)
- Kloss, B. M. Izbrannye trudy. Moscow, 2001. Vol. 2: Ocherki po istorii russkoi agiografii XIV–XVI vekov. 488 p. (In Russ.)
- Kloss, B. M., Mashtafarov, A. V. Evfrosiniya. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2008. Vol. 17. Pp. 517–526. (In Russ.)
- Kolobanov, V. A. Vladimiro-suzdal'skie literaturnye pamyatniki XIV–XVI vekov: Uchebnoe posobie. Moscow, 1982. 103 p. (In Russ.)
- Konyavskaya, E. L. Zhitie Evfrosinii Suzdal'skoi: vzglyad iz XVI veka. In *Istoriya i kul'tura Suzdal'skoi zemli. K 1000-letiyu pervogo upominaniya goroda Suzdalya*. Vladimir, 2025. Pp. 95–101. (In Russ.)
- Kuchkin, V. A. Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi. Moscow, 1984. 353 p. (In Russ.)
- Nazarov, V. D. Velikoknyazheskii dukhovnik v semeinom portrete i v kontekste kremlevskogo soobshchestva. In *Kremli v istorii Rossii: k 500-letiyu Aleksandrovskogo kremlya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 11–13 noyabrya 2013 g., g. Aleksandrov*. Vladimir, 2014. Vol. 1. Pp. 8–37. (In Russ.)
- Ryzhenkov, M. R. Pervaya tragediya v “Dome Romanovykh”: delo tsarevicha Alekseya Petrovicha. 1718 g. In *Vestnik arkhivista*. 2013. No. 1. Pp. 151–169. (In Russ.)
- Shpolyanski, S. V. Sela Suzdal'skogo opol'ya i izmeneniya v sisteme rasseleniya vo vtoroi polovine XIV – XV vv. In *Povolzhskaya arkheologiya*. 2021. No. 2 (36). Pp. 148–161. DOI 10.24852/pa2021.2.36.148.163 (In Russ.)
- Stakhovskii, I. M. Ocherki po istorii Suzdalya. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 1943. Vol. 2. 305 l. (In Russ.)
- Turilov, A. A. K rannei istorii obshcherusskogo pochitaniya prep. Efimiya Suzdal'skogo (neizvestnoe kratkoe zhitie v Prologe nach. XVI v. iz biblioteki Papskogo Vostochnogo in-ta v Rime). In *Suzdal'skii Spaso-Evfimiev monastyr' v istorii i kul'ture Rossii (k 650-letiyu osnovaniya monastyrya): Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Vladimir; Suzdal, 2003. Pp. 21–25. (In Russ.)
- Usachev, A. S. Zhitie svyatogo Ioanna, episkopa Suzdal'skogo. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2008. No. 2 (10). Pp. 5–56. (In Russ.)
- Usachev, A. S. Zhitie Koz'my Yakhrenskogo. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2011. No. 1 (43). Pp. 89–106. (In Russ.)
- Usachev, A. S. Spiski i istochniki Zhitia Koz'my Yakhrenskogo. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2011. No. 2 (44). Pp. 25–36. (In Russ.)
- Vorontsov-Vel'yaminov, B. A. K istorii rostovo-suzdal'skikh i moskovskikh tysyatskikh. In *Istoriya i genealogiya*. S. B. Veselovskii i problemy istoriko-genealogicheskikh issledovaniy. Moscow, 1977. Pp. 124–140. (In Russ.)

Aleksey V. Sirenov

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

THE SUZDAL LIVES OF THE SAINTS OF THE 16th CENTURY AND HISTORICAL MEMORY

The article is devoted to the Lives of the Suzdal saints of the 16th century. These are the Lives of Euthymius of Suzdal, Ioann Bishop of Suzdal and Euphrosyne of Suzdal. The author suggests that they reflect the historical memory of the early history of Suzdal. In particular, in the Life of Bishop Ioann and especially Euphrosyne of Suzdal, ideas about the close connection of Suzdal with the rural district are recorded.

Keywords: historical memory, the Lives of Russian saints, history of Russian culture of the 16th century, Suzdal

